

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	Новые исследователи.....	7
ГЛАВА 1	Воображение.....	15
ГЛАВА 2	Новые миры	41
ГЛАВА 3	Обмен	67
ГЛАВА 4	Интерпретация	101
ГЛАВА 5	Указание пути.....	125
ГЛАВА 6	Миграция.....	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	Связи.....	171
БЛАГОДАРНОСТИ		181
ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ.....		183

ВВЕДЕНИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Путешественники-исследователи оставили после себя нерушимое долговечное наследие. Большинство из нас по-прежнему хочет верить, что есть люди, которые рискуют жизнью просто из-за стремления к знаниям и приключениям и которые путешествуют в неизведанные уголки мира лишь для того, чтобы увидеть то, что доступно нашему глазу. Многим по-прежнему нужны герои. И поэтому в массовой культуре — от романов до произведений кинематографа — сохраняется героический образ первопроходца: отважный капитан на палубе корабля во время шторма, его взор устремлен на мир, который он (обычно это мужчина) надеется найти, преодолев бурю; искатель приключений в одежде цвета хаки, прорубающий себе дорогу сквозь непролазные джунгли в поисках давно затерянного города; альпинист, медленно пробирающийся через опасную пропасть, и тонкая веревка — единственное, что отделяет его от катастрофы.

Подобные представления зачастую находятся в неприятном соседстве со всем, что мы знаем о взаимосвязи исследований с империализмом, отчего возникает соблазн отказаться от терминов «открытие» и «исследование» и отправить изучение научных работ о путешественниках-первооткрывателях на свалку истории. Но если мы откажемся от истории исследований, вместе с этим мы откажемся и от важнейшего элемента человеческой истории — истории, которая выходит за рамки культур, этнической принадлежности, пола и географии. Действительно, без понимания всеобщего стремления к исследованиям невозможно понять историю человечества или постичь в полной мере человеческую природу. Самые разные люди рисуют в своем воображении новые миры. Люди со всех уголков земного шара ищут неизведанное, исследуют незнакомое и пытаются все это осмыслить.

Однако слишком часто наши представления о прошлом оказываются ограниченными. Эти истории, знакомые каждому из нас, повторялись столько раз, что превратились практически в пародии: Колумб, заметивший проблески зелени среди бескрайней синевы в западной части горизонта как раз в тот момент, когда его измученная команда уже начала терять всякую надежду снова увидеть сушу; «храбрый Кортес», всматривающийся в безбрежный Тихий океан в ожидании, по бессмертным словам Джона Китса*, новых

* Автор ошибается в пересказе сонета Джона Китса «После первого чтения чапменовского Гомера». У Китса новые планеты видит не Эрнан Кортес, а наблюдатель небес, в то время как Кортес смотрит на Тихий океан с Дарьенского перешейка, который соединяет обе Америки, но разделяет Атлантический и Тихий океаны.

Я понял, как ликует звездочет,
Когда планету новую найдет,
И понял чувства храброго Эрнана,

миров, которые «предстанут его взору»; Льюис и Кларк, продирающиеся сквозь леса к могучей реке Колумбии, которая направит их экспедицию и их страну к вожденному Тихому океану*; валлийский репортер и шотландский миссионер, пожимающие друг другу руки в сердце Экваториальной Африки с чересчур будничным приветствием: «Доктор Ливингстон, я полагаю?». Эти байки подпитывали приключенческие истории, которые люди веками пересказывали и перепродавали друг другу — но при этом скрывали правду об исследованиях: их цене, трудностях и их участниках.

В этой книге я проведу аналогию между историей марокканского путешественника Ибн Баттуты и историей его венецианского современника Марко Поло, а историю китайского флотоводца Чжэн Хэ сравню с историей португальского мореплавателя Васко да Гамы — пересматривая понимание того, что значит быть исследователем и что можно считать открытием. Но в конечном счете я надеюсь пойти дальше и переосмыслить саму идею исследования.

Мы склонны считать, что исследователи — в отличие от простых путешественников — это самоотверженные личности, которые отправляются в путь в погоне за знаниями и приключениями. Знаменитое объяснение Джорджа Мэллори его попытки покорить Эверест — «потому что он существует» — стало классическим криком души

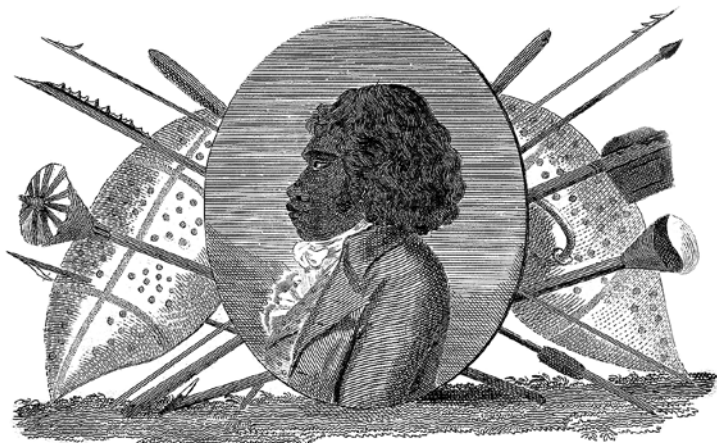
Когда он с высоты Дарьенских скал
В молчании орлиный взор бросал
На вечную безбрежность океана.

Перевод Е. В. Поникирова. (*Прим. пер.*)

* Экспедиция под руководством Мериуэзера Льюиса и Уильяма Кларка (1804–1806) ставила цель найти водный выход к Тихому океану. Участники отправились из Сент-Луиса, поднялись по Миссури, пересекли Скалистые горы и добрались по реке Колумбии до океана. (*Прим. пер.*)

благородного исследователя. Но, конечно же, все исследования связаны со стремлением к соперничеству. Любопытство и авантюризм имеют значение, однако также важны экономический интерес, политический расчет, эго, социальное давление и прямая необходимость. Когда в 1871 году Генри Мортон Стэнли отправился через Африку на поиски пропавшего доктора Ливингстона, он руководствовался не только целью спасти миссионера: Стэнли надеялся избавиться от клейма незаконнорожденного, прославившись как журналист, и использовать свои знания о внутренних районах Африки, чтобы разбогатеть. Если мы признаем, что в основе открытий лежали сложные мотивы, и не станем говорить, что к ним привели затруднительные, тяжелые обстоятельства, то это позволит нам совершенно по-новому взглянуть на истории исследований. Искатели приключений, о которых я расскажу в этой небольшой книге, отправлялись в путь по разным причинам. Одни срывались с места по необходимости, спасаясь от рабства, войны и голода и стремясь к миру и благополучию. Другие путешествовали в качестве пленников или потому, что их политическая география изменилась из-за появления рядом с их домами новой иностранной державы. Третьим — подобно одному из старейшин народа эора Вуллараварре Беннелонгу, который посетил Англию, — захотелось увидеть, что находится на другом берегу океана.

Эта книга со всей серьезностью относится к историям таких знаменитых исследователей, как капитан Кук и Роберт Пири, открытия которых помогли сформировать наше понимание мира. Но не менее серьезно она подходит и к малоизвестным искателям приключений, таким же смелым и отважным, как и более знакомые нам фигуры прошлого.

BEN-NIL-LONG IN HIS EUROPEAN DRESS.
Engraved for the History of New South Wales.

Вуллараварре Беннелонг (ок. 1764–1813) из народа зора, проживавшего в районе Порт-Джексона, — первый австралийский абориген, отправившийся в Европу (вместе со своим протеже Йеммерраванне). Его прибытие в Англию в 1793 году вызвало ажиотаж. На многочисленных портретах он изображен в европейской одежде.

(Альбом/Британская библиотека/ALAMY Stock Photo)

Мы познакомимся с Гудрид Странствующей, скандинавской женщиной, которая помогла основать первое европейское поселение в Америке, и со средневековым уйгурским монахом Раббаном Саумой, первым человеком из Китая, посетившим Рим и Париж. Проследим путь африканского путешественника Ясуке, добравшегося из Восточной Африки до Индии и Японии, где стал доверенным лицом могущественного даймё Оды Нобунаги, и уделим внимание многочисленным экспедициям вожатого каравана Гулама

Расула Галвана через Гималаи. Познакомимся с молодой англичанкой по имени Мэри Монтегю, узнавшей секреты прививки от оспы, принятой в Османской империи, а также с Джоном Эдмонстоуном, сбежавшим из рабства в Гвиане и открывшим таксидермическую мастерскую в Глазго, в которой обучал молодого Чарлза Дарвина искусству изготавливать чучела животных. Встретим индийского путешественника Дина Мухаммеда, шотландского исследователя Мунго Парка и американского палеонтолога Роя Чепмена Эндрюса. Их истории проведут нас во все уголки земного шара и затронут все эпохи, от «Эпоса о Гильгамеше», созданного в 2100-х годах до нашей эры, до современных мигрантов на Рио-Гранде, — пока не начнет вырисовываться новая история исследований.

Открытие — это не односторонний процесс, и оно никогда не принадлежит какой-то одной группе людей. Когда корабль со старейшиной народа эора Беннелонгом пришвартовался в Фалмуте в 1793 году, разве он не открыл Англию для коренных народов Австралии точно так же, как капитан Кук открыл Австралию для англичан примерно двадцатью годами ранее? Беглые рабы, сонм переселенцев, возвративших представление об «американской мечте», ямайские мигранты, преобразившие Британию в 1950-х годах, черные южане, искавшие лучшей жизни на Севере во время Великой миграции*, — разве они не заслуживают места в пантеоне великих исследователей? Все они были исследователями во всех смыслах этого слова.

* Великая миграция — массовое переселение афроамериканцев из сельскохозяйственных южных штатов в города запада, севера и северо-востока США с 1910-х по 1970-е годы. (*Прим. пер.*)

Не желаю ни в коей мере оправдывать или преуменьшать трагедии, травмы или ужасы, легшие в основу некоторых из описанных путешествий. Я хочу восстановить ощущение исключительной человечности, проявившейся в этих странствиях. Опыт мигрантов, беглых рабов, а также послов, проводников и носильщиков из числа коренных народов формировался под влиянием факторов потребности и необходимости, принуждения и насилия, но не исчерпывался ими. Безусловно, крайне важно понимать, чем были вызваны нужда и применение силы, жестокость тех систем, которые лишали людей возможности жить своей жизнью. Но давайте не будем отнимать у этих исследователей их субъектность (способность выступать активным действующим лицом) и не станем преуменьшать значение их переживаний.

Перед вами рассказ — об исследованиях, воображении и удивлении, любопытстве, связях и обмене, — в котором известные искатели приключений и обделенные вниманием исследователи находятся на равных. Эти тексты — лишь малая часть из миллионов рассказанных и нерассказанных историй об известных и неизвестных исследователях, чьи судьбы легли на алтарь времени или стали жертвами расовых и классовых несправедливостей, долгое время заглушавших повествования многих людей. Некоторые истории можно оживить только если внимательно вчитаться в стандартные отчеты о путешествиях, прислушаться к эху голосов незамеченных исследователей и усилить их шепот. Забытых исследователей можно найти в каждом рассказе беглого раба, в каждом письме мигранта домой и в каждом упоминании о проводниках и носильщиках. Их можно вернуть. Нам нужно лишь захотеть их

увидеть. Только если переосмыслить само понятие исследователя и всерьез отнестись к жизням *всех*, кто занимается исследованиями, мы сможем по-настоящему понять одну из основных человеческих потребностей: стремление познать окружающий мир.

ГЛАВА I

ВООБРАЖЕНИЕ

Каждое путешествие начинается в воображении. От первого *Homo sapiens*, покинувшего Великую рифтовую долину, до человека, ступившего на поверхность Луны, — любое исследование сначала зарождается в виде замысла и лишь затем претворялось в жизнь. Человек начал исследовать мир в доисторические времена, примерно 300 000 лет назад, когда первые люди покинули свои дома в Восточной Африке и отправились в путь — сначала по Африке, а затем и по Евразии. В течение следующих трехсот тысячелетий человечество расселилось по самым разным уголкам земного шара. Древнейшие свидетельства об исследованиях, дошедшие до нас со времен античного мира, хранят обрывочные воспоминания об этой первой эпохе великих открытий: сначала на протяжении поколений их передавали из уст в уста у костра в виде мифов и эпосов, и только потом они были записаны. Мифы о переселениях и исследованиях — о том, что люди пришли из какого-то другого места, что наши братья и сестры перемещались

разными путями, что кого-то изгнали и он начал новую жизнь в ином краю, или что община приняла какого-нибудь странника из далеких земель — помогали сделать географические различия между группами людей менее значимыми и пробуждали их интерес к внешнему миру. Таким образом, воображение способствовало расселению людей в первые тысячелетия нашей истории, но оно же постоянно подталкивало их и к новым объединениям. Нити человеческой паутины растягивались до предела, однако связи между отдаленными популяциями, пусть и слабые, сохранялись.

О все выдавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы*.

Так начинается «Эпос о Гильгамеше», древнейшее письменное произведение, самые ранние фрагменты которого датируются 2100 годом до нашей эры. Таким образом, письменная история человеческой цивилизации начинается с рассказа об исследователе, герое — царе шумерского города Урук.

Сокровенное видел он, тайное ведал,
Принес нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и смирился,
Рассказ о трудах на камне высек.

Легендарная история происхождения народа хопи, проживающего на юго-западе США, также связана с исследованиями и потопом. После того, как Третий мир исчез

* Цитаты из эпоса в переводе И. М. Дьяконова. (*Прим. пер.*)

Подобно многим древнейшим текстам, дошедшим до нас из древности, «Эпос о Гильгамеше» повествует о путешествиях по неизведанным землям

(Метрополитен-музей, Нью-Йорк; Фонд Роджерса, 1959)

под водой, предки хопи под предводительством Женщины-Паучихи двигались через океан на восток, пока не достигли гористых берегов нынешнего Четвертого мира. Но их долгое путешествие только начиналось. На протяжении поколений они странствовали по обширной и негостеприимной земле, по пути распадаясь на более мелкие группы и кланы. Они достигли всех четырех концов света,

но нигде не нашли пристанища. Далеко на севере они обнаружили страну льда и снега, но этот «черный ход», ведущий из Четвертого мира, оказался закрыт. Только добравшись до северо-востока Аризоны, они обрели свой истинный дом.

Похожие предания о происхождении своего народа рассказывают и живущие восточнее индейцы чокто. Земля их предков, расположенная далеко на западе, иссохла и умерла; это вынудило двух братьев по имени Чата и Чикса повести людей на восток, забрав с собой кости предков. Каждую ночь они разбивали лагерь и втыкали в землю волшебный посох. Каждое утро он наклонялся в ту сторону, куда им следовало идти дальше. Однажды, спустя столетия беспрестанных скитаний, они увидели, что посох стоит прямо, указывая на то, что это и есть то самое место, где можно упокоить останки предков и основать новую цивилизацию.

Предания о происхождении ацтеков повествуют о долгом путешествии через пустыни Мексики из Ацтлана — мифической родины народа науа, расположенной где-то на севере. Собственно, слово «ацтека», от которого пошло название ацтеков, означает «люди из Ацтлана». На противоположной стороне Атлантики другой народ также пересек пустыню, чтобы достичь земли обетованной и начать все заново. Одна из книг Торы — Исход — рассказывает об освобождении евреев из рабства в Египте, о долгих годах изнурительных скитаний по пустыне и, наконец, об их появлении в Ханаане. На Рапа-Нуи (так местные жители называют остров Пасхи, один из самых удаленных форпостов человечества) устные предания повествуют о легендарном первом поселенце острова Хоту Матуа, который

уплыл со своей мифической родной земли Хива («далекий остров») в поисках нового острова, явившегося ему во сне.

Подобные персонажи и саги встречаются в самых разных культурах. «Одиссея» Гомера — один из важнейших памятников западной литературной традиции — затрагивает похожие темы, следуя за главным героем в его десятилетнем путешествии на родину после падения Трои через диковинные островные миры, населенные лотофагами, людоедами и циклопами. Поэма начинается так:

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Многих людей города посетил и обычаи видел...*

Легендарные личности древности часто были исследователями, и с этим связаны их самые известные деяния.

Согласно «Махавамсе», шри-ланкийской поэме, написанной в V веке и основанной на более ранних хрониках буддийских монахов из монастыря Анурадхапура Маха Вихарая, сингалы, которые сейчас составляют основную часть населения острова, впервые высадились на Шри-Ланке около 500 года до нашей эры. Они сопровождали легендарного принца Виджая, предки которого происходили из Бенгалии в Индии. Виджая был правителем процветающего индийского царства, но враги изгнали его. В поисках убежища он и семьсот его последователей отправились на юг через Индостан, пересекли Полкский пролив и добрались до Шри-Ланки, следуя по стопам самого Будды, который, как записано в «Махавамсе», незадолго до этого побывал

* Перевод В. В. Вересаева. (Прим. пер.)

на Шри-Ланке, чтобы подготовить почву для визита принца, изгнав *якшей* (демонов), населявших остров.

Даже много веков спустя, когда города разрастались и превращались в державы, люди, размышляя о своем происхождении, также мыслили категориями исследования. Римский поэт Вергилий, живший в I веке до нашей эры, описывал основание Рима, обращаясь к путешествию Энея, легендарного сына троянского царевича и богини Венеры; он пережил падение родной Трои, годами странствовал, а затем прибыл на территорию современной Италии и основал город, которому было суждено стать Римом. Некоторые ранние труды по британской истории, среди которых и авторитетная «История королей Британии» Гальфрида Монмутского, возводят генеалогию британцев к внуку Энея Бруту, который отправился на далекий Альбион, победил населявших остров гигантов и заселил его своим потомством. В других версиях этой легенды Брут также является потомком одного из сыновей Ноя, что объединяет классические повествования о цивилизации с авраамической традицией расселения человечества после странствия по затопленному водой миру.

Во всех этих преданиях мы можем уловить слабый отголосок еще более древнего путешествия — того долгого странствия, которое вывело наших предков из Рифтовой долины в Восточной Африке и рассеяло их по всей поверхности земного шара. Сама история человечества начинается с путешествия, и самые первые истории, которые люди рассказывали о своем прошлом, — это истории об исследованиях. Легенда хопи о «черном ходе» на ледяном севере, возможно, отражает воспоминания о Берингии — сухопутном мосте, по которому их предки пришли из Азии в Америку тысячи лет назад. Рапануйский миф о Хоту Матуа хранит

память об исторической миграции полинезийцев на далекие острова южной части Тихого океана.

Мифы об исследователях и исследованиях сохраняли свое значение и в период более точного документирования истории. Манса Муса, правитель сказочно богатой империи Мали в Западной Африке, объяснял истоки своего правления легендой об исследовательской экспедиции. Арабский историк Шихабуддин аль-Умари писал, что в 1324 году Муса отправился в Мекку для совершения хаджа (паломничества, возможно, вдохновленного выдающейся историей исследований его народа) и рассказал в Каире какому-то египетскому чиновнику, что взошел на трон после того, как его предшественник организовал экспедицию к Атлантическому океану, чтобы выяснить, есть ли у него противоположный берег, как у великой реки Нигер:

Правитель, который был до меня, не верил, что невозможно достичь края океана, окружающего землю... и хотел достичь этого (предела). ...Он приказал снарядить для себя и своих людей две тысячи судов и еще тысячу для воды и пищи... [и] отправился со своими людьми в плавание по океану и не вернулся.

В разных цивилизациях легенды о происхождении и героях передаются через рассказы о путешествиях и открытиях. Исследования и повествование неразрывно связаны.

Первые в истории исследователи остаются фигурами, окутанными тайной: они занимают промежуточное положение между легендарными героями вроде Гильгамеша

и реальными людьми, жизнь которых хорошо задокументирована, — обычными купцами, послами и паломниками, записывавшими в Средние века истории своих путешествий. Все, что дошло до нас об их путешествиях, — туманные упоминания в трудах более поздних авторов, байки из вторых и третьих уст, в которых крупинцы правды переплетаются с мифологическим и фантастическим. Считается, что в V веке до нашей эры карфагенский мореплаватель по имени Ганнон отплыл из Ливии с флотом из 60 кораблей, прошел через Гибралтарский пролив, направился на юг вдоль атлантического побережья Африки и достиг земли вулканов и горилл. Он составил описание своего плавания на пуническом языке, но все, что от него осталось, — фрагментарный перевод на греческий. Ученым остается лишь гадать, насколько далеко он зашел: до Камеруна или только до Марокко. Позднее римские писатели упоминали другого карфагенянина, жившего в VI или V веке до нашей эры, по имени Гимилькон, который совершил плавание в Северную Европу и повстречал на своем пути морских чудовищ и нечто похожее на водоросли Саргассова моря далеко в Атлантике. Путешествие Гимилькона остается неподтвержденным, однако рассказ о нем содержит подлинные сведения о центральной части Атлантики.

Столетие спустя исследователь из греческой колонии Массалия по имени Пифей обогнул Британские острова и зашел в Балтийское море. Это первый автор, который упоминает Шотландию, рассказывает об арктических льдах и описывает впечатления о полярном дне. Однако, как и в случае с Ганноном и Гимильконом, текст Пифея сохранился лишь в виде отрывков и пересказов более поздних авторов. То же самое относится и к китайскому дипломату

Чжан Цяню, которого император У-ди из династии Хань отправил в Центральную Азию в 138 году до нашей эры. Его путешествие положило начало новой эре взаимоотношений между странами Азии, дав толчок первому расцвету знаменитой сухопутной торговой сети, которая связала Китай с Индией, Ближним Востоком и Средиземноморьем и позже получила название Шелкового пути. Достоверность его странствий не вызывает сомнений, однако личность и сочинения дипломата остаются загадкой. Единственный источник, повествующий о поездке Чжан Цяня, — «Исторические записки» («Ши цзи»), составленные его современником Сыма Цянем.

Один из первых исследователей, чей рассказ от первого лица о собственном путешествии дошел до нас, — буддийский монах Фасянь. В 399 году, когда ему было около 60 лет, он вместе с девятью монахами покинул монастырь в Чанъане (современный Сиань) в центральном Китае и отправился в паломничество в Индию, надеясь найти буддийские тексты, недоступные в Китае. Это было изнурительное пешее путешествие через пустыню Гоби, на просторах которой монахи видели только «реку песка» и «сухие кости мертвых», и через высокие перевалы Гималаев «среди холмов и холода», где не было никакой растительности, а драконы «изрыгали ядовитые ветры» — настолько едкие, что Фасянь не мог говорить. Монахи переправились через широкий Инд и попали в Индию — землю, где родился Будда; здесь они посещали храмы и святыни, созерцали реликвии, связанные с Буддой, и шли по его благословенным следам. В конечном итоге Фасянь прошел вниз по Гангу до религиозного центра Варанаси и далее до Паталипутры (современный город Патна). Новый мир казался путешественнику странным, но отнюдь

не менее значимым: он видел в Индии истинное «Срединное царство», центр вселенной. Китай, который с гордостью присвоил себе этот титул, представлялся ему лишь «пограничной землей». (Такие высказывания, несомненно, возмутили бы многих читателей на его родине, однако с буддийской точки зрения центром вселенной являлась Индия.) Рассказ о путешествиях Фасяня — сначала изложенный устно братьям-монахам, а затем записанный в анналах буддийских героев и распространившийся по всему Китаю — помог изменить мировоззрение китайцев: его родина потеряла центральное положение и вписалась в более широкий мир. Путешественник пробудил в целых поколениях исследователей любопытство и пытливость ума и вдохновил их последовать его примеру. В случае с Фасянем мы видим — возможно, впервые, — что рассказ об исследованиях, изложенный самим исследователем, способен изменить мир.

Но даже когда до нас доходят свидетельства очевидцев, древние рассказы о путешественниках зачастую превращаются в легенды. Иногда легендами становятся и сами исследователи. В 629 году еще один буддийский монах по имени Сюаньцзан покинул Китай с целью увидеть землю Будды. Он родился в 602 году в Чэньлю (провинция Хэнань), стал монахом при монастыре в провинции Сычуань и увлекся идеей найти и собрать канонические буддийские тексты из Индии. Узнав о путешествии Фасяня, Сюаньцзан твердо решил последовать его примеру. Подобно предшественнику, он пересек обширные западные пустыни, преодолел высокие перевалы Гималаев и вышел на Индо-Гангскую равнину. В знаменитом монастыре Наланда в Бихаре он нашел то, что искал: множество санскритских текстов и наставника, знаменитого монаха Шилабхадру.

Сюаньцзан вернулся в Китай в 645 году: на двадцати вьючных лошадях он привез с собой книги, а также массу рассказов о гигантских каменных Буддах в городе Бамиан в Афганистане (позже разрушенных талибами), об устройстве кастовой системы в Индии и о фантастической расе людей-драконов в высоких Гималаях. Знания о внешнем мире, реальном и воображаемом, превратили Сюаньцзана из безвестного молодого монаха в уважаемую фигуру. Заручившись поддержкой императора, он основал в Чанъане центр переводов, который привлекал учеников и ученых со всей Азии, объединяя мир и вместе с тем прославляя его имя. По настоянию императора Сюаньцзан продиктовал одному из учеников свои путевые заметки — «Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан».

Путешествие Сюаньцзана продолжалось даже после его смерти в 664 году. Его изображения можно найти в храмах от Тайваня до Дунхуана на западе Китая, а на его останки до сих пор претендуют Индия, Китай и Япония. На протяжении веков его путешествие служило источником вдохновения для авторов пьес, популярной литературы и бродячих рассказчиков. Вскоре их произведения стали неотъемлемой частью китайской культуры, с годами все сильнее обрстая выдумками. К эпохе династии Мин в XVI веке личность Сюаньцзана и легенда о нем переплелись настолько тесно, что реальный Сюаньцзан превратился в вымышленного Сюань-цзана, героя знаменитого романа «Путешествие на Запад», опубликованного в 1592 году. История о странствующем монахе и четырех его спутниках, включая чрезвычайно популярного Царя Обезьян Сунь Укуна, и сегодня встречается в массовой культуре — от манги «Жемчуг дракона» до комиксов Marvel и DC. Но даже после того, как

история Сюаньцзана растворилась в художественной литературе, ценности, которые он олицетворял, — открытость, любознательность, тяга к приключениям, обмен — продолжали жить, побуждая целые поколения китайских, японских и корейских читателей смотреть на мир как на место, достойное исследований.

Часто исследования и мифотворчество переплетались так сильно, что подлинные сообщения об открытиях воспринимались как выдумки и отвергались. Такая участь постигла историю о двух женщинах, однажды ступивших на землю Америки. Гудрид Торбьярнардоттир, родившаяся в Исландии около 980 года, была потомком скандинавских исследователей, которые в 700–800-х годах пересекли Северное море и заселили острова далекой Северной Атлантики: Фарерские, Шетландские, Оркнейские и Исландию. В молодости Гудрид сопровождала своего отца в экспедиции под предводительством Эрика Рыжего, основавшего первое скандинавское поселение в Гренландии. До Северной Америки было рукой подать, а ветры и течения благоприятствовали плаванию дальше на запад и юг, поэтому вскоре моряки начали возвращаться в гренландское поселение с рассказами о зеленой земле, расположенной там, где заходит солнце. Первую скандинавскую экспедицию, высадившуюся в Америке около 1000 года, возглавил Лейф Эрикссон, старший сын Эрика.

Торстейн, муж Гудрид, был младшим братом Лейфа, и Гудрид решила поучаствовать в экспедиции в место, названное Лейфом Винландом (из-за дикого винограда, который он приметил на берегу). Однако из-за непогоды они не добрались до Винланда и вернулись в Гренландию, где

Торстейн умер. Гудрид не отказалась от своих планов, выбрала себе в мужа* известного купца по имени Торфинн Карлсефни и быстро убедила его снарядить собственную экспедицию. Вместе они участвовали в создании первого постоянного европейского поселения в Северной Америке на территории современного Ньюфаундленда (Канада). Там Гудрид родила сына Снорри Торфиннсона, который стал первым ребенком европейского происхождения, родившимся в Америке**.

Гудрид была не единственной скандинавской женщиной, которую интересовали исследования. В поселении на Ньюфаундленде к ней присоединилась волевая сестра Лейфа Эрикссона Фрейдис Эриксдоттир, прибывшая в Америку как полноправный партнер в делах по основанию поселения и бесспорный лидер отряда из 35 мужчин. Когда разразился конфликт между незваными гостями-скандинавами и *скрелингами*, коренными жителями этого региона (вероятно, это были предки индейцев-беотуков на Ньюфаундленде или люди туле — предки современных инуитов), именно Фрейдис повела людей в бой, несмотря на беременность. Разозлившись на нерешительность мужчин, она упрекнула их в трусости, схватила меч и собрала поселенцев вокруг себя. Расстегнув тунику, она начала бить себя мечом по обнаженной груди. Скрелинги обратились в бегство. Этот смелый поступок перед лицом опасности сделал ее легендарным образцом женской силы, хотя два сохранившихся рассказа о ее жизни в Америке расходятся. В «Саге о гренландцах»

* Третьего. «Сага о гренландцах» говорит, что еще до Торстейна мужем Гудрид был некий Торир, который тоже умер. (Прим. пер.)

** Разумеется, если не считать Гренландию. (Прим. пер.)

Фрейдис — это предостережение о том, насколько опасны своенравные женщины*; в «Саге об Эрике Рыжем» она олицетворяет материнскую отвагу и самопожертвование. Однако в обеих сагах история ее путешествия обладает непреходящей силой.

И Гудрид, и Фрейдис покинули поселение в Винланде, когда сопротивление местных народов стало слишком ожесточенным. Фрейдис вернулась в Гренландию, где скандинавское поселение с трудом продержится еще четыре столетия, оставаясь самым удаленным форпостом расселения европейцев. Гудрид со своим сыном Снорри обосновалась в Исландии, приняла христианство** и, все еще не утолив жажду путешествий, совершила долгое паломничество

* Это неплохой эвфемизм, поскольку в «Саге о гренландцах» Фрейдис Эриксдоттир предстает законченной злодейкой. Она отправилась в Винланд за добычей в составе совместной экспедиции, заключив сделку с двумя братьями, Хельги и Финнбоги. Сразу же нарушив соглашение о 30 воинах, она посадила на свой корабль на пять человек больше. После прибытия Фрейдис заняла бывший дом своего брата Лейфа, вынудив Хельги и Финнбоги строить себе отдельное жилье. Когда во время зимовки отношения между ними испортились, Фрейдис оболгала братьев, сказав своему мужу Торварду, что те ее избili, и потребовала отомстить. Отряд мужа захватил спящих людей Хельги и Финнбоги; затем всех мужчин убили. Когда воины Торварда отказались убивать пять пленных женщин, Фрейдис лично зарубила их секирой. Пытаясь скрыть свое предательство, она пригрозила смертью всем, кто расскажет о произошедшем. После возвращения в Гренландию правда все равно открылась; Лейф счел случившееся злом, но не стал наказывать сестру. «Мне не хочется, — сказал Лейф, — поступить с моей сестрой Фрейдис так, как она заслуживает. Но я предсказываю, что их потомству не будет благополучия». С тех пор о ней и ее семье пошла дурная слава». Перевод М. И. Стеблин-Каменского. (Прим. пер.)

** В «Саге об Эрике Рыжем» Гудрид называет себя христианкой еще в Гренландии. (Прим. пер.)

в Рим. Обе женщины стали легендарными фигурами на родине, и со временем их подлинная история слилась с окружающими их мифами. Почти тысячу лет оспаривалось само их существование. Более того, факт участия двух женщин в руководстве первыми европейскими экспедициями в Америку нередко истолковывался учеными как подтверждение того, что содержание саг — это вымысел. Лишь в 1960 году, когда норвежский археолог Анна Стина Ингстад обнаружила остатки скандинавского поселения в Л'Анс-о-Медоус, жизнь и деяния Гудрид Странствующей* и Фрейдис Эрикссдоттир получили историческое подтверждение. Радиоуглеродный метод датирования показал, что поселение относится примерно к 1000 году, а его местоположение довольно точно соответствует описаниям жилья Гудрид и Карлсефни в Винланде. Среди более чем восьмисот предметов, найденных на месте раскопок, археологи обнаружили костяную вязальную спицу, часть веретена и следы ткацкого станка. Поскольку в мире викингов прядением и ткачеством почти всегда занимались женщины, практически не вызывает сомнений, что в поселении Л'Анс-о-Медоус жили и мужчины, и женщины, о чем и свидетельствуют саги о Гудрид и Фрейдис.

Размышляя о соотечественниках, которые плыли на запад через Атлантику в Исландию, Гренландию и Ньюфаундленд, — первых исследователей из Старого Света, ступивших на землю Нового, — один норвежский хронист не находил объяснений, зачем кому-либо подвергать себя такому риску, не имея четкого представления о награде.

* Гудрид Торбьярnardдоттир получила прозвище *Víðförla*, что буквально означает «много путешествовавшая». (*Прим. пер.*)

«Какие люди отправляются в Гренландию и зачем они при этом проходят через такие великие опасности?» — вопрошал он. Единственным объяснением он счел «тройственную природу человека»: «Первый мотив — слава, второй — любопытство, а третий — жажда наживы». Как показывает история, эта сильнодействующая мотивирующая смесь славы, любознательности и жажды наживы и дальше побуждала людей отправляться в неизведанное. Она же служила залогом популярности рассказов о далеких землях — хотя к подобным историям люди зачастую относились с недоверием.

В 1298 году венецианский купец Марко Поло, странствовавший по всему миру, оказался в генуэзской тюрьме. Соперничество между Генуей и Венецией за контроль над азиатскими торговыми путями переросло в войну. Поло прошел по этим путям до самого Китая и обратно. Часть прибыли, полученной от своего путешествия, он отдал на военные нужды Венеции, снарядив корабль под собственным командованием. В одном из боев он попал в плен и провел в нем остаток войны. Судьба распорядилась так, что в дни своего заключения он познакомился с автором популярных рыцарских романов по имени Рустикелло. Чтобы скоротать время, Марко диктовал сокамернику истинную историю своих путешествий, а тот записывал услышанное. «И скажу вам еще: с тех пор, как Господь Бог собственными руками сотворил праотца Адама, и доныне не было такого христианина, или язычника, или татарина, или индийца, или иного какого человека из других народов, кто разузнавал бы и знал о частях мира и о великих диковинах так же точно, как Марко